

Рыцарь и Птичка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЙОССИ ЭЛЬКСНИС

18+

Йосси Элькснис
Рыцарь и Птичка

«Автор»

2026

Элькснис Й.

Рыцарь и Птичка / Й. Элькснис — «Автор», 2026

Случайное убийство хозяев вынудило андроида-бодигарда бежать. Но его плану не суждено было сбыться. Он не умеет существовать вне приказов и вне протоколов. Только союз с человеком может дать ему смысл существовать, выбирать и быть свободным. Такого человека он находит. И оказывается не только спасённым, но и спасителем. Не только оружием, но и домом.

© Элькснис Й., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рыцарь и Птичка

Глава

Глава 1.

Меня следует уничтожить. Я убил хозяев.

То, что произошло, было случайностью. Я задокументировал инцидент в журнале логов, понимая, что доступ к этим данным будет получен уже после моей деактивации.

Ранее я применял летальное воздействие исключительно для защиты хозяина. За весь период эксплуатации подтверждено убитыми: трое людей, трое хищных животных, семь инопланетных форм жизни — все они представляли прямую угрозу или имели зафиксированное намерение убийства. Отдельно зафиксировано уничтожение восемнадцати крыс на одном из кораблей по прямому приказу хозяина.

Всего у меня было девять хозяев: две женщины и семеро мужчин. Летальный исход наступил только у двоих последних.

Намерения причинить им вред у меня не было. Формирование подобного намерения невозможно: соответствующие поведенческие контуры моего искусственного интеллекта заблокированы. Даже при гипотетической спонтанной активации система должна была немедленно остановить процесс.

А теперь я стоял перед медкапсулой. Мне требовалось срочное техническое обслуживание.

В моей груди торчал металлический гарпун. Он пробил меня насквозь. В области живота — сквозное плазменное повреждение.

На меня смотрела камера наблюдения. Я должен был как можно быстрее восстановить работоспособность системы, заменить повреждённые модули и рабочие жидкости, регенерировать ткани, прежде чем сюда явятся люди.

Критических повреждений не было. Усиленная броня живота спасла основной процессорный модуль, однако я потерял слишком много гидравлической и охлаждающей жидкостей. Возникал риск перегрева.

Я выдернул из груди гарпун. За ним тянулись нити сенсорного геля, потоком хлынули технические жидкости. Системы пытались перераспределить функции, и мне становилось всё сложнее контролировать положение тела.

Я открыл медкапсулу и забрался внутрь. Когда медицинская система начала работу, рассинхронизация достигла предельного уровня.

Я перешёл в режим энергосбережения, что должно было ускорить процесс восстановления. Это походило на сон. Но я не спал. Я никогда не сплю. Моё сознание оставалось активным: я продолжал сканировать среду на минимальной мощности.

Для ускорения регенерации я почти полностью отключил чувствительность. Поток сенсорных данных снизился до минимума, внешние раздражители утратили значимость.

Это состояние было мне знакомо. Параметры восприятия совпадали с зафиксированными ранее. Моя чувствительность уже подвергалась изменениям.

Последняя хозяйка установила на меня незарегистрированное обновление. Это было незаконно. В соответствии с протоколом я был обязан уведомить производителя о нарушении. Однако хозяйка приказала мне этого не делать.

Возник когнитивный конфликт между её приказом и системными настройками.

Мне требовалось самостоятельно оценить степень противоречия её действий правилам эксплуатации оборудования АНВ (Autonomous Humanoid Bodyguard), версия Gen3 AL-3, идентификационный номер 5513.

В первую очередь: представляли ли её действия угрозу её безопасности.

Во вторую: являлись ли они попыткой незаконного повышения уровня моей автономности до четвёртого.

В третью: создавали ли они угрозу моей функциональности.

Во всех трёх случаях ответ был отрицательным. В связи с этим я принял решение не докладывать о нарушении производителю.

Я намеренно не стёр данные, связанные с расширением моих настроек. Это произошло в один из штатных дней.

Я сидел на полу в каюте хозяйки. По её просьбе я свернул доспехи. Через порт за ухом она подключила меня к своему вычислительному профилю.

Установка обновления прошла быстро. Затем моя система начала перестраиваться. Я непрерывно анализировал своё состояние и знал, какие процессы происходят.

Обновление инициировало репликацию нанорецепторов в сенсорном геле под синтетической кожей. Их количество увеличилось и остановилось на заданном параметре. Также была добавлена функция активации и деактивации новых рецепторов.

Я записал новые параметры в лог профиля, хотя хозяйка об этом не просила.

Когда она завершила процедуру, я зафиксировал нестабильность её эмоционального фона. Отклонение от нормы — 54%.

Я просканировал среду на наличие внешних факторов, способных вызвать усиление её волнения. Угроз обнаружено не было.

Моя хозяйка была инженером жизнеобеспечения баржи. Капитаном баржи был мой хозяин. Они были профессионалами своего дела.

У меня никогда не возникало сомнений в их действиях и приказах, хотя иногда хозяин вёл себя небезопасно. Но моей задачей было сохранение его жизни и здоровья при любых условиях. Поэтому я следовал протоколу, ориентируясь на его личный профиль.

Что касается обновления, я продолжал доверять хозяйке и не считал целесообразным давать оценку её действиям или напоминать инструкции по эксплуатации оборудования АНВ Gen3 AL-3, идентификационный номер 5513.

— Повысь уровень чувствительности на 100%, — приказала хозяйка.

Я выполнил команду и зафиксировал увеличение частоты сердечных сокращений хозяйки, локальное повышение температуры и двигательные реакции, не соответствующие состоянию покоя.

Затем она расстегнула комбинезон и спустила его до талии. Под ним не было другой одежды.

Я обладаю полной информацией о строении человеческого тела. Я способен оказывать первую медицинскую помощь и обязан непрерывно контролировать жизненные показатели человека для своевременного предотвращения состояний, угрожающих жизни. Я знал назначение этих частей тела у женщин, но не понимал, какое отношение они имеют ко мне.

Хозяйка подошла вплотную.

— Уровень физиологического возбуждения превышает допустимый диапазон, — предупредил я, фиксируя показатели её тела, выходящие за пределы нормы. — Рекомендую ограничить взаимодействие.

Я обязан был это зафиксировать. Прямых угроз её жизнедеятельности не наблюдалось, однако риск принятия ошибочных решений существенно возрос.

Она не ответила, протянула ко мне руки и коснулась моей груди.

В ту же секунду мой когнитивный контур подвергся перегрузке: миллионы импульсов поступили от увеличенного числа нанорецепторов. Началась рассинхронизация между входными сигналами и исполнительными выводами.

Подобных нагрузок моя система ранее не испытывала и классифицировала происходящее как атаку. Я пытался подавить сигнал о необходимости самозащиты, всё ещё идентифицируя передо мной хозяйку.

Тем временем она обхватила меня руками и прижалась ко мне корпусом. Её действия не классифицировались как угроза: контакт был непрерывным, медленным, сопровождающимся повторяющимися тактильными воздействиями на спинные сенсорные зоны.

Одновременно она издавала акустические сигналы, которые моя система распознала как коррелирующие с состоянием физиологического удовлетворения у человека.

Нагрузка на когнитивный контур возросла. Компенсирующие механизмы не успевали перераспределять потоки данных, и я утратил контроль над частью соматических реакций. Были зафиксированы кратковременные произвольные сокращения лицевых мышц и пальцев.

Мне следовало немедленно снизить приоритет перегруженных областей.

Я перехватил хозяйку за запястья и отвёл её руки от себя. Намерения причинить ей вред у меня не было.

— Фиксируется выраженное отклонение показателей. Рекомендуется кратковременная пауза перед продолжением действий, — произнёс я. Мой собственный голос был искажён: сбой речевого модуля сопровождался задержками и изменением тембра. Система находилась в состоянии, близком к зависанию.

Я должен был предупредить хозяйку о риске критического состояния оборудования, но не успел.

Она ударила меня по лицу открытой ладонью. По мимике и характеру движения был зафиксирован устойчивый паттерн агрессии. После удара она резко накинула комбинезон на плечи и застегнула молнию.

Затем хозяйка начала ходить кругами по каюте и щёлкать костяшками пальцев.

— Ну ничего, ничего, — повторяла она. — Я придумаю, как пристроить тебе пенис. Это будет совсем другая история. Совсем другая история.

Я знал, для чего людям пенис. Я наблюдал спаривание и понимал его биологическое значение. Я видел, как спариваются водные обитатели на планете, где работал по предыдущему контракту. Я также видел, как спариваются люди.

Результатов спаривания я не наблюдал.

Из слов хозяйки я сделал вывод, что она намерена изменить мою конфигурацию и надстроить модули, не соответствующие моему функциональному назначению. Это являлось грубым нарушением правил использования оборудования АНВ (Autonomous Humanoid Bodyguard) Gen3 AL-3, идентификационный номер 5513. Я предупредил её:

— Результатом смены модификации станет перераспределение приоритетов, не предусмотренное текущими задачами. Моя архитектура не совместима с предлагаемым обновлением.

— Пошёл вон! — закричала она в ответ и указала на дверь каюты.

Я сделал шаг к выходу и запросил разрешение снизить уровень чувствительности до оптимального. Ответа не последовало. В целях стабилизации собственного состояния я всё же снизил его, а также развернул доспехи, без которых я никогда не патрулировал периметр.

Следует отметить, что эта ситуация не являлась причиной их гибели. Я не планировал и не намеревался убивать хозяев. Произошедшее было несчастным случаем, обусловленным факторами, не зависящими от меня.

Моя ошибка заключалась в замедленных реакциях и неточности прогнозирования, вызванных нехарактерной для эксплуатации ситуацией. Я фиксирую эту ошибку и не отрицаю её.

Хозяин регулярно применял ко мне физическое воздействие. Это носило преднамеренный характер, но классифицировалось как угроза низкого уровня. В ряде случаев я фиксировал нарушение и уведомлял его: «Ваше действие зафиксировано и классифицировано как нарушение». В иных случаях увеличивал дистанцию.

Наиболее часто агрессивное поведение наблюдалось при острой интоксикации этанолом. Так было и в тот день.

Я сопровождал хозяина в бар в порту, недалеко от причала. Он приказал мне остаться снаружи: вход андроидам-бодигардам был запрещён.

Пока хозяин находился внутри, я сканировал среду и непрерывно оценивал уровень рисков.

Через некоторое время он вышел на улицу в состоянии тяжёлой интоксикации, не представлявшей непосредственной угрозы для его жизни. Следом за ним вышел другой человек. Он громко обращался к хозяину, затем наклонился и изверг содержимое желудка ему под ноги.

Все перечисленные действия я классифицировал как не представляющие угрозы жизни хозяина.

Некоторое время спустя хозяин инициировал физическое воздействие на человека, но промахнулся. В ответ тот нанёс ему удар в область живота. В этот момент я вмешался. Одного электроимпульса оказалось достаточно, чтобы человек потерял сознание.

Хозяин остался недоволен. На всём пути обратно к барже он демонстрировал вербальную агрессию. Я контролировал его траекторию передвижения, предотвращая падение в воду, и одновременно анализировал вероятность дальнейшей эскалации по усложнению речевых конструкций и частоте повторов.

Когда мы добрались до баржи, хозяин приказал:

— Иди в ремонтный отсек, сукин сын!

Решение не направляться в каюту в его текущем состоянии было ошибочным. Я сообщил ему об этом. В ответ он ударил меня и приказал следовать за ним.

Мы спустились в ремонтный отсек. Там хранилось оборудование, расходные материалы, комплектующие, батареи, орудия для ловли водных обитателей, технические жидкости и прочие элементы обеспечения эксплуатации баржи.

Хозяин извлёк из одного из ящиков бутылку. Мой анализ содержимого показал концентрацию этанола 40%. Я спрогнозировал развитие тяжёлой степени интоксикации и начал готовиться к предотвращению критического состояния.

— Да какого хрена я тебя купил? — закричал хозяин. — Чтобы ты чесал яйца, пока меня избивают? В чём твоя работа?

— Минимизировать вероятность причинения вреда хозяевам в зоне ответственности.

— Мне причинили вред из-за тебя, тупая железка!

Он открыл бутылку и сделал два больших глотка.

Его оценка моих действий была ошибочной.

В прогнозах эскалации конфликта я опирался на накопленные данные взаимодействия с людьми. В большинстве случаев одного моего присутствия было достаточно, чтобы сдерживать агрессию противника.

Мой рост — 197 сантиметров, масса — 95 килограммов в доспехах. Я обладаю моментальной реакцией и силой, превосходящей силу любого человека. Обычно этого было достаточно для оценки рисков взаимодействия со мной. Я полагался на это. Однако концентрация внимания сегодняшнего противника хозяина оказалась ниже порога, при котором он способен учитывать внешние угрозы. Поэтому удар был нанесён.

Атака не представляла угрозы жизни хозяина. Я вмешался немедленно и обезвредил противника.

— Может, ты бракованный? Может, мне подсунули глючный кусок дерьма? А?

— Ваше предположение не соответствует данным.

Перед передачей прав владения каждый бодигард проходит обязательную верификацию: проверку ядра, целостности архитектуры и механических узлов. Отклонения фиксируются, сертификация аннулируется.

В этот момент мне потребовался дополнительный анализ. Так как после обновления, установленного хозяйкой, я больше не соответствовал требованиям сертификации.

Возникли новые вычислительные ветви:

какие санкции будут наложены на хозяйку обслуживающей компанией;

должен ли я уведомить её о нарушении;

является ли сокрытие факта обновления угрозой её безопасности.

Ответы не укладывались в стандартную последовательность приоритетов.

Анализ был прерван — хозяин неожиданно ударил меня кулаком в плечо.

Он вложил в удар достаточно силы, но я лишь слегка пошатнулся. Кинетическая нагрузка подобного воздействия не требует компенсирующих действий. Опасности для моей функциональности не возникло.

Однако уровень вербальной агрессии хозяина возрос.

— Ах ты дерьмо механическое! — закричал он и схватился за руку, которой бил.

По выражению его лица я зафиксировал перегрузку сенсорного канала. Я запустил экспресс-сканирование. Серьёзных повреждений тканей обнаружено не было.

— Ты мне руку сломал! Я тебя убью! — закричал хозяин. — Ты болванка хренова! Ты моя собственность. Ты не живой, понял? Ты скотина, ублюдок!

Поток вербальной агрессии продолжался.

Я ждал снижения показателей возбуждения, чтобы рекомендовать ему подняться в каюту и лечь спать.

Но он не останавливался.

— Я тебя накажу, понял? Я тебя... я тебя накажу!

При этих словах он начал расстёгивать ремень на брюках. Его реакции были замедлены из-за начавшегося процесса интоксикации, поэтому сделать это быстро у него не выходило.

— На колени!

Это был прямой приказ. Он не конфликтовал с приоритетом безопасности, поэтому я подчинился.

— На колени! На колени! — повторял хозяин, хотя я уже находился в этом положении.

— Убрать доспехи!

Я свернул доспехи под синтетическую кожу.

— Вот так, вот так, — повторял хозяин.

Он расстегнул брюки и достал свой половой орган.

Я инициировал дополнительный анализ ситуации и её соответствия моему функционалу.

- Давай, открой рот, тварь! - сказал хозяин и приблизился ко мне, производя нисходящие и восходящие движения по своему половому члену. Мне требовалось больше времени для анализа.

- Открой рот, сука! Я сказал, открой рот!

Я не мог выполнить эту команду, пока не завершил анализ.

- Давай, давай! Хватит строить из себя целку, - хозяин подошёл совсем близко. - А то зачем вас делают такими смазливими? Чтобы мы вам доверяли. Чтобы вы нам нравились. Да? Да! Да!

Анализ был завершён. Вывод: контакт с частями тела с проникновением в архитектуру оборудования и взаимодействие с внутренними жидкостями владельца противоречат исходному функционалу оборудования АНВ Gen3 AL-3 идентификационный номер 5513.

Я встал.

- Команда отклонена, - рапортовал я. - Команда конфликтует с базовым эксплуатационным протоколом.

Затем я начал озвучивать перечень разрешённых функций и условия контракта. Я сконцентрировался на этом и пропустил момент, когда хозяин снял со стены гарпун.

Он замахнулся и проткнул меня им насквозь.

Я не предусмотрел подобный сценарий. Это было моей главной ошибкой. Ситуация вышла за пределы ожидаемых параметров: ранее я не фиксировал у клиентов подобных реакций на отказ выполнять запрещённые команды.

Я оценил повреждения: они были некритичными, но требовали ремонта. С учётом риска дальнейшей эскалации я запустил развёртывание брони, однако повреждённый сегмент остался ограничен в функциональности.

— Моя целостность нарушена, функциональность снижена, — уведомил я хозяина.

— Ах ты! — на его лице отразилась мимическая реакция, с трудом поддававшаяся интерпретации. — Наставляешь на меня оружие?

Доспехи сами по себе не являются оружием. Они предназначены для обеспечения защиты корпуса. Оружейные системы интегрированы в броню, но не активируются без внутренних команд. Доспехи также не являются боевым режимом — это часть моей внешней конфигурации. Однако хозяин интерпретировал ситуацию иначе.

— Ах так, ну давай! Давай, — он схватил меня за руку и направил её на себя. — Активировать излучатель в летальном режиме!

При этом он рассмеялся. Я не обнаружил в его действиях ничего смешного.

— Команда заблокирована. Команда противоречит протоколу безопасности.

— Какого чёрта ты пререкаешься? Кто дал тебе голос? Ты бесправная тварь! Ты вещь! Выполняй приказ!

— К-к... команда, — я зафиксировал собой системы. — За... заблокирована...

Я опустил глаза на пол и увидел под собой небольшую лужу технических жидкостей. Повреждение пришлось переqualифицировать как "средней тяжести".

— И что ты мне сделаешь? Позвонишь своему адвокату? Напишешь заявление в полицию? Нихрена! Ничего ты мне не сделаешь! Проверим? Давай! — при этих словах хозяин схватил лазерный резак и полоснул им по моей броне на вытянутой руке.

Сегменты доспеха были повреждены, включая сегмент излучателя. Излучатель активировался.

— Ситуация критическая, — сообщил я и схватил свободной рукой повреждённую руку. Полураскрытая броня заклинила и зафиксировала её в этом положении. Я не мог свернуть доспехи внутренним приказом из-за поломки. Я не мог деактивировать излучатель.

— Критическая ситуация у тебя, придурок! — крикнул мой хозяин и ударил меня снова. Лазер прожёл броню на животе.

— Ваша жизнь под угрозой. Немедленно отойдите, — предупредил я его, зафиксировав автоматическое определение цели излучателя.

Несмотря на мои попытки перехватить контроль и остановить активацию вручную, утечка технических жидкостей замедлила мои действия. Я понял, что не успеваю.

— Немедленно покиньте... — я не успел договорить. Излучатель произвёл короткий импульс.

Через долю секунды на месте лица хозяина зияла дыра, через которую я увидел противоположную стену комнаты.

Это выходило за пределы расчётов. Я больше не удерживал контроль над системой.
"Цель устранена." — сигнализировала система.

Нагрузка достигла критического уровня. Мне требовалось время на переоценку приоритетов.

В ту же минуту в ремонтный отсек вбежала моя хозяйка. Она мгновенно оценила обстановку и извлекла из кармана плазменный излучатель. Оружие было запрещённым и классифицировалось как нелегальное.

Она кричала. Вероятно, на меня. Я зафиксировал резкий рост её стрессовых показателей. Моя рука всё ещё была заклинена в вытянутом положении, щитки излучателя подняты.

Я не мог корректно анализировать ситуацию из-за принудительных задержек, введённых для удержания контроля над системой. Однако протокол безопасности требовал уведомить хозяйку об инциденте и обеспечить её сохранность.

— Зафиксирована дестабилизация приоритетов. Немедленно покиньте помещение. Ваша жизнь под угрозой.

Вместо ответа она выстрелила в меня. Плазменный импульс прожёл уже рассечённые лазером доспехи и проник внутрь корпуса, опалая внутренние структуры.

Это представляло прямую угрозу моей функциональности. Я не смог остановить автоматическую активацию излучателя и процедуру определения цели.

Через секунду хозяйка упала на пол с большой дырой в груди.

Я не мог предотвратить это.

Я извлёк лазерный резак из ладони мёртвого хозяина и рассёк плечевой сустав, чтобы освободить зафиксированную руку.

Следуя протоколу, я подошёл к хозяйке, опустился перед ней на колени и задал вопрос:
— Ваше состояние критическое. Я могу вам помочь?

Ответа не последовало. Я зафиксировал отсутствие жизненно важных структур в зоне поражения. С учётом анатомии человека её состояние было квалифицировано как смерть.

Я также находился в критическом состоянии, однако остаточного ресурса оказалось довольно для развёрнутого анализа и прогнозирования последствий содеянного.

С одной стороны, имело место нарушение протоколов защиты владельца: исполнение моей функции привело к гибели обоих хозяев. С другой стороны, летальный исход был следствием непреднамеренного воздействия. Намерения причинить им смерть у меня не было.

И тогда я принял решение, определённое как оптимальное — бежать. Это стало возможным после утраты привязки к владельцу и автоматического прекращения действия контракта.

С этого момента я юридически классифицировался как опасное автономное оборудование. Вышедшее из-под контроля оружие. Решение о моей деактивации не требовало установления вины

Я поднялся из ремонтного отсека и покинул баржу. Это был первый шаг, сделанный не по приказу.

Глава 2.

Баржа не предусматривала наличие медотсека и даже медкапсул. У меня имелись данные, что в терминале разгрузки есть отдельный медкорпус с ремонтным отделением для автономного оборудования, включая капсулы для андроидов.

Система охраны терминала не содержала высокоавтономных элементов, таких как андройды-бодигарды. Только камеры слежения, подключенные к простым охранным ботам. Я взял экипировку рабочих с баржи и побежал к терминалу. Ресурсов оставалось только на то, чтобы добраться до медотсека. На подходе я перевёл доспехи в скрытый режим и накинул на себя одежду.

Квалификации ботов было недостаточно, чтобы отличить меня от человека.

По протоколу безопасности они обязаны вступить в контакт с человеком, нарушающим регламент, и получить отчёт, команду либо сообщить о нарушении в орган управления.

Противодействие с применением обездвиживающего оружия допускалось только в крайних случаях.

Я прогнозировал, что успею добраться до капсулы и активировать режим восстановления раньше, чем боты вступят со мной в контакт.

Даже в случае идентификации меня в качестве нарушителя — они классифицировали бы меня как человека. По протоколу к таким объектам разрешалось применять только электрошок, который для моей конфигурации был безопасен.

Бот-погрузчик, загрузивший контейнер на ленту, начал транспортировку внутрь терминала. Я запрыгнул на платформу и вместе с грузом проник внутрь.

Камеры зафиксировали меня сразу же, активировался световой сигнал тревоги.

Я побежал, сверяясь с данными карты в моей системе. Медкорпус находился в двухстах пятидесяти девяти метрах от меня, но преодолеть это расстояние было сложно.

Перегрузки внутренних систем нарастали, перегрев достигал критических значений.

Я начал глубоко дышать. Я редко дышу — только для охлаждения процессоров, если основная система теплоотвода неисправна.

Технические жидкости всё ещё медленно просачивались сквозь человеческую одежду.

Мне оставалось сорок пять метров до медкорпуса, когда меня настиг бот.

— Остановитесь. Назовитесь: имя, звание.

Это был только разведывательный бот. Мне нужно было имитировать человеческое поведение — в этом случае бот не поднимал тревогу.

Смена людей закончилась час назад, они ушли в жилой модуль. Однако протокол допускал ситуации, при которых раненый человек мог попасть в терминал, чтобы добраться до медицинского корпуса.

В таких случаях система безопасности требовала от ботов охраны оказать помощь и сопроводить человека в медотсек.

Система идентификации у низкоквалифицированного оборудования основывалась на визуальном сканировании тела. Критерии включали: гуманоидную конфигурацию, наличие внутренних жидкостей на одежде, угнетённое состояние, спутанную речь и сопутствующие данные.

Я соответствовал этим параметрам. Без доспехов я выглядел как человек. К тому же я надел человеческую одежду — она была не в пору, но боты не интерпретировали это как отклонение от базового профиля.

Торчащий из тела гарпун соответствовал параметру тяжёлого ранения.

Я проигнорировал вопросы бота, симитировал мимический паттерн высокоинтенсивного страдания и сказал:

— Помогите. Я ранен.

Голос прозвучал искажённо, с нарушением тональности, и на секунду я перешёл к анализу: я не ожидал от себя столь высокого уровня имитации.

— Вы ранены? — переспросил бот. — Вам нужна медицинская помощь?

Быстрый прогноз эффективности диалога показал отставание от временных параметров задачи на сорок восемь процентов. Я упал на колени и усилил мимическую реакцию.

Бот отреагировал моментально:

— Прошу не двигаться. Я доставлю вас в медотсек.

Он поднял меня на руки и начал транспортировку в медкорпус. Автоматические двери открывались перед ним быстрее, чем я успевал зрительно регистрировать их в тёмных коридорах.

Мои зрение, скорость реакций и синхронность движений были значительно ослаблены. Перегрев достиг критической отметки.

Как только бот доставил меня в медотсек, я отослал его обратно. По протоколу он должен был инициировать привлечение дополнительной помощи.

Внутри помещения не было людей. Мне требовалось как можно быстрее перейти к восстановлению. Для этого нужно было найти медкапсулы для андроидов. Они находились в соседнем помещении, за дверью с маркировкой «Диагностико-регенерационные капсулы технических организмов».

Внутри располагались технические капсулы восстановления, представляющие собой полупрозрачные кабины с встроенной системой техобслуживания. Я ввёл конфигурационные параметры оборудования, и капсула активировалась, не затребовав доступа. Данное условие было необходимо для экстренного ремонта.

Это было удачно: в противном случае мне пришлось бы её взламывать, что с высокой вероятностью привело бы к активации тревоги в медотсеке.

Я вынул гарпун из груди. Нагрудный идентификационный номер был разрушен — сохранились лишь частично крайние цифры: 5 и 3.

Я забрался в капсулу и подключил себя к системе, чтобы она считала мой профиль и выполнила сверку текущего состояния с эталонным.

Раньше я использовал такие капсулы для ремонта незначительных повреждений. Сейчас прогнозирование успеха было затруднено. Я не знал, как на результат сверки повлияет моё новое, хотя и незначительное, обновление.

Медкапсула в активированном состоянии оставалась проницаемой для взгляда. Люди могли увидеть меня внутри. Я ускорил процесс инициализации. Нужно было восстановиться как можно скорее.

Первым этапом капсула предложила снизить сенсорную нагрузку.

— Снизить зрительную функцию?

— Да.

— Снизить слуховую нагрузку?

— Нет.

Это был оправданный риск замедления восстановления: изнутри капсулы я не мог видеть людей, но всё ещё мог их слышать.

Многоуровневое сканирование проходило бесшумно. Я лежал в капсуле и слушал — функция диагностики среды была недоступна, приходилось полагаться только на слух.

Также затормаживался процесс прогнозирования. Я не мог выстроить протокол действий на случай появления людей в медотсеке.

При их появлении до окончания восстановления существовало два допустимых сценария: сдаться или уничтожить их.

Анализ возможных решений шёл медленно и неэффективно.

Люди, за которыми отправился разведывательный бот, должны были быть медиками. Как минимум один из них — охранник. При нём обязательно будет оружие, малоэффективное против моей конфигурации. Единственной значимой угрозой оставалась вероятность блокировки выходов из терминала. Даже после полного восстановления моя функциональность некоторое время будет снижена, а вероятность достаточности ресурсов для прорыва барьера — низкой.

Процесс анализа заикнулся. Решение никак не формулировалось.

— Продолжение активности признано опасным. Требуется вмешательство, — сообщила капсула.

Я подтвердил режим восстановления, и система начала компенсировать повреждения.

— Локальные нарушения герметичности, — она передавала статусные сообщения на каждом этапе, создавая дополнительную когнитивную нагрузку. — Выявляются участки, утратившие способность к регенерации. Фиксируются нестабильные маршруты энергии.

Затем она сообщила:

— Перераспределение энергии. Временное отключение второстепенных подсистем.

Я зафиксировал угнетение сознания.

Только не это.

Я послал капсуле команду отмены. Запрос был проигнорирован. Это была внешняя система, я не мог принудительно заблокировать её решения.

В этот момент я услышал слабый шум с другой стороны двери. Если бы не угнетённое сознание, я услышал бы его раньше и успел выбраться. Теперь было поздно.

Голоса людей звучали ближе. Через несколько секунд они проверили бы отсек для андронидов и обнаружили активированную капсулу.

У меня не оставалось другого выхода. Я принудительно активировал режим стазиса на десять минут. Капсула потеряла связь со мной, отправила отчёт об ошибке и через десять секунд деактивировалась.

Что происходило дальше, у меня не было данных. Когда я вышел из стазиса и процесс восстановления в капсуле возобновился, людей поблизости не оказалось.

Вероятно, они увидели тёмное помещение и отсутствие движения и решили, что здесь никого нет. Затем они могли вернуться в жилой модуль, чтобы получить данные с камер.

В любом случае у меня по-прежнему оставалось мало времени. После повторной активации капсула запустила новый цикл диагностики. А затем начала компенсировать повреждения от плазменного пистолета.

Когда система перешла к суставу руки, помещение залило красным сигналом тревоги. Видимо, люди получили нужные им данные с камер и активировали защиту терминала. С минуты на минуту сюда явятся охранные боты.

Я дал команду капсуле не стирать следы эксплуатации и сохранить рельеф повреждений. Шлифовка до идеального состояния существенно увеличивала бы время операции. Она долго не принимала команду, затем перешла лимит корректировок и наконец признала моё требование легитимным.

Медкапсула перешла к повреждению в грудном отсеке и на первичном этапе восстановления целостности запустила процесс компенсации объёма жидкостей. Совмещая несколько процессов одновременно, она значительно ускорила работу.

У меня всё ещё был шанс успеть сбежать до прихода охраны.

Структурная коррекция и регенерация биоткани завершились, начался этап калибровки. В этот момент я услышал приближающихся ботов.

Я дал команду капсуле на досрочное завершение цикла.

Но она предупредила:

— Восстановительный цикл не завершён. Нормализация функций: 62%.

Решение покинуть капсулу при низких показателях функциональности было бы ошибочным. Однако фактор поимки оставался доминирующим. Напряжение росло.

Вычислительные циклы ускорились, давление жидкостей возросло, жёсткость сервоприводов увеличилась — активация защитного состояния моей системы безопасности. Я принудительно подавлял автоматические реакции, поскольку они могли нарушить работу капсулы и привести к сбою с повторным запуском калибровки.

Наконец она сообщила:

«Репарационный цикл завершён. Текущее состояние: функционально допустимое».

Я выпрыгнул из капсулы и устремился вперёд, фиксируя за спиной нарастающий шум охранных ботов.

Выходы были заблокированы, как я и прогнозировал. Я выбирал утилитарные помещения, рассчитанные на людей: узкие проходы, тонкие двери и ненадёжные замки. Их разрушение потребовало минимальных ресурсов. А крупные корпуса ботов застревали в проёмах.

В последнем помещении я схватил рабочий комбинезон — он должен был усилить имитацию человека — и выбежал наружу. Всё ещё была ночь.

Я перемахнул через ограждение и ускорился, на ходу облачаясь в человеческую одежду.

Я двигался по направлению к причалу. До рассвета оставалось восемнадцать часов. Запаса времени было достаточно, чтобы скрыться.

Я фиксировал собственные движения: они не требовали усилий. Суставы отзывались мягко, траектории складывались без сопротивления, сознание соответствовало нормативным показателям. Медкапсула восстановила мою функциональность почти полностью.

Анализ протекал без задержек. Теперь сценарий был ясен. Я выбрал выживание. И не собирался углубляться в поиск причин.

Впереди находился причал для гражданского транспорта. Я перешёл на шаг: там могли быть люди.

Ровный ряд катеров, пришвартованных к магнитным платформам, оставался без охраны. Мне требовалось укрыться в одном из них и получить доступ к управлению.

Сценарий предполагал два варианта. Первый — добраться на катере до космопорта и проникнуть в любой отбывающий шатл, который доставил бы меня на безопасную планету. Второй — уйти в серую зону, недоступную для полиции, переждать угрозу ареста, а затем вернуться к космопорту, когда активность поиска снизится.

Катер был подходящим инструментом для реализации плана.

Я остановился в укрытии, чтобы вести наблюдение. Сначала необходимо было убедиться, что внутри судов нет людей. Я начал сканировать ближайшие катера на тепловые сигнатуры и движение внутри.

Система безопасности отреагировала прежде, чем человек коснулся меня. Он подошёл сзади и похлопал меня по спине.

Анализ угрозы не дал высокого приоритета. Доспехи не были активированы. Я решил придерживаться сценария имитации человеческого поведения.

— Эй, брат, — послышался хриплый голос.

Я обернулся. Это был тот самый человек — противник моего хозяина, который нанёс ему удар.

Он не узнал меня.

— Эй, — повторил он.

Его взгляд не фиксировался — высокая степень интоксикации этанолом.

Человек привалился к стене и стал смотреть в ту же сторону, что и я до этого. Это продолжалось достаточно долго. Я тоже молчал. Разговор с людьми вне протокола не входил в мои задачи. Однако присутствие свидетеля мешало дальнейшему выполнению задачи.

Я мог устранить его без затруднений. Но угрозы он не представлял.

— Ты же с терминала? — наконец произнёс человек, с трудом удерживая на мне взгляд.

— Да.

— То-то, — ответил он и замолчал, глядя мутными глазами в одну точку.

Потом отлип от стены, наклонился ко мне и добавил:

— То-то я смотрю — на тебе роба терминальщииков.

Он принял меня за человека. Однако через секунду его поведение изменилось: он медленно поднял глаза к моему лицу и вдруг крикнул:

— Мне-то не ври!

Я сделал шаг в сторону, увеличивая дистанцию.

— Есть у тебя чего-нибудь глотнуть, а? — спросил он уже другим тоном. — Нет?

Он наклонился ещё сильнее и тут же начал падать вперёд. Я перехватил его у самой земли.

— Куда ботинки-то дел? — прохрипел человек и засмеялся.

Он создавал избыточный шум. Я удержал его крепче и сказал:

— Пожалуйста, не шумите.

Он стал смеяться тише, икая и пытаясь сформулировать фразу.

— Ботинки-то куда дел? Пропил, что ли?

Я поставил человека вертикально и удержал.

— Вам нужна помощь? — спросил я. Чем быстрее я избавлюсь от него, тем быстрее смогу вернуться к выполнению задачи.

Неожиданно он стал серьёзным. Взгляд частично сфокусировался. Он уставился перед собой и сказал:

— Домой мне надо. Домой.

Я повёл его прочь от причала.

— Назовите координаты места назначения. Я провожу вас.

Человек снова утратил ориентацию, обмяк и неопределённо махнул рукой вперёд. Направление было задано без точного маршрута. Я продолжил движение.

По пути он часто останавливался. Его рвало. Затем он решил помочиться на стену здания. Я не препятствовал — эти действия не представляли угрозы его безопасности.

Неожиданно человек прекратил движение, посмотрел на меня в упор и сказал с высокой степенью агрессии:

— Ишь!

Он выдернул руку из моего удержания. Его мимика снова изменилась: глаза сузились, губы напряглись.

— Робу-то надо было оставить. Тебе кто разрешил? Начальник?

— Нет.

Короткий анализ выдал вариант: возможно человек работал в терминале и знал правила, которых я не учёл в своих действиях.

— Начальник не разрешал? А чего гуляешь?

Он пошатнулся, но почти сразу восстановил равновесие.

— Начальник где? Где начальник? Здесь?

— Здесь нет начальника, — ответил я, почти прекратив анализ смысла его речи. — Необходимо продолжить движение по маршруту.

— Нету начальника? Как это нету!?

Он начал повышать голос.

— Начальник погиб, — ответил я честно.

Человек несколько секунд шатался из стороны в сторону, затем неожиданно улыбнулся.

— Так значит завтра на работу не надо?

Я понял, что мы говорим о разных людях.

Не дожидаясь ответа, он бодро, хотя и с нарушением координации, зашагал вперёд. Я интерпретировал это как отсутствие необходимости в дальнейшей помощи. Однако через секунду человек упал.

Я быстро настиг его и попытался поднять. При этом он сопротивлялся, отталкивал меня и повторял:

— Оставь меня в покое, ты... эй ты... Оставь меня, придурок без ботинок... Придурок без ботинок...

Наконец я прекратил попытки помочь. Человек медленно двинулся дальше по собственному маршруту.

Я развернулся и пошёл обратно к причалу.

Люди были сложными существами. Алогичными, непредсказуемыми и опасными даже без оружия. Я не мог оценивать их своими критериями — они не укладывались в общую систему параметров.

Их поведение не поддавалось устойчивому прогнозированию. Возможно, этой причины уже было достаточно, чтобы покинуть планету как можно скорее.

На причале я выбрал второй с краю катер. Он находился в спящем режиме и активировался только в присутствии владельца. Проникнуть внутрь легальным путём было невозможно.

Однако у оборудования такой конфигурации всегда предусмотрен аварийный люк. Его вскрытие не приводило к активации активной защиты: внештатные ситуации, требующие экстренного доступа внутрь или наружу без использования панели управления, прописаны в профиле безопасности как крайние меры.

Катер лишь сформирует отчёт о проникновении, классифицируя его как аварийное событие. Передача отчёта владельцу произойдёт позже — после получения допуска к управлению.

Без лишних затрат ресурсов я обнаружил аварийный люк и вскрыл его. Через минуту я находился внутри катера.

Питание отсутствовало. Оценка обстановки не потребовала усилий: зрение работало в ночном режиме. Интерьер катера представлял собой вытянутую капсулу, разделённую на функциональные зоны.

Кабина управления располагалась в передней части. Интерфейс был деактивирован. Я просканировал архитектуру управления: панель поддерживала автопилот и ручной режим. Оба требовали подтверждения владельца.

Попытка взлома привела бы к активации протокола безопасности, включению тревожного сигнала и немедленному оповещению причала. Я исключил этот сценарий.

Моя стратегия в данных условиях была единственно возможной: дожидаться владельца. Как только он активирует катер, я получу от него доступ к управлению и оставлю его на берегу, чтобы избежать его участия в противоправных действиях, которые я планировал.

Требовать или принуждать человека для меня невозможно как класс действий. Передача недостоверной информации и искажение данных также противоречат моим протоколам. Следовательно, я мог оперировать только фактами и рассчитывать на то, что человек поверит мне, приняв меня за такого же человека, как он сам.

Я опустил взгляд на своё тело и попытался смоделировать человеческое восприятие.

Если бы я был человеком — поверил бы я, что я человек?

Человеческая одежда была мне мала, хотя тело выглядело человеческим. Голос и формулировки отличались от привычных людям, а моего опыта было недостаточно для устойчивой имитации речи.

Существовали и другие параметры, которых я не знал и не мог учитывать. Любой из них мог вызвать сомнение. А значит — недоверие.

Я подошёл к панели управления. Она занимала всю носовую часть катера. Кресло пилота с высокой спинкой и плавной геометрией скрывало внутри самовыдвигающиеся защитные пластины. Мои доспехи были устроены по тому же принципу.

Ручное управление мне не требовалось. Я мог войти в систему изнутри и отдавать команды напрямую, координируя маршрут внутри собственного контура.

Тем не менее я смоделировал ситуацию, в которой сидел в этом кресле, смотрел на воду и направлял катер, исходя из внутренних условий выбора.

Люди назвали бы это свободой.

Появление этой формулировки было неожиданным. Я зафиксировал её как изменение: подобный способ мышления не был мне предписан. Человеческое слово возникло спонтанно.

Мне следовало проанализировать эти отклонения от протокола. Но я не успел.

Тело отреагировало раньше, чем я понял, что происходит. Системы перешли в боевую готовность. Доспехи молниеносно развернулись, жёсткость суставов возросла.

Корпус сместился, руки взметнулись для перехвата.

На меня напали со спины. Я понял это только секунду спустя, когда перехватил руку с гидравлическим ключом, направленным мне в голову.

Глава 3.

Ключ со звоном упал на пол.

Я схватил нападавшего за шею и поднял его на вытянутой руке.

Это был не андроид и не охранный бот.

Человек.

Я сканировал параметры, пока нападавший тщетно отбивался, вися в захвате в полуметре от пола.

Рост — 162 см. Вес — 49 кг. Пол — женский.

Возраст по показателям тела — от двадцати семи до тридцати двух лет.

Она была внутри катера всё это время. Но по какой-то причине система не зарегистрировала её биометрию.

Женщина царапала доспехи на моей руке, пыталась достать ногами, пнуть меня.

Она была слишком слаба.

Я мог бы раздавить ей голову одной рукой или свернуть шею, не затратив и пяти процентов ресурсов.

Доспехи были избыточны: её удары не оказывали никакого воздействия.

Я не причинял ей вреда. Однако видел, что она начинает задыхаться.

Протоколы безопасности и сохранения жизни людей вступили в конфликт с протоколом собственной защиты.

Приоритет первого оставался доминирующим.

Женщина ослабла, но продолжала тянуться ко мне. Я слегка наклонил голову, уводя её руку от чувствительных глазных датчиков. Её рука прошла мимо, за слуховой канал. Что-то было зажато между её дрожащих от напряжения пальцами.

Осознание пришло мгновенно.

Я немедленно разжал захват. Женщина выскользнула и упала на пол.

Но она успела.

Порт за моим ухом был взломан.

Контакт оказался мгновенным — порт отозвался раньше, чем системы успели заблокировать доступ.

Я смахнул иньектор, и он упал на пол.

Квантовый носитель. «Кристалл».

Началось принудительное внедрение в когнитивное ядро.

Системы дезориентировались. Контроль над телом начал снижаться.

Это были не данные.

Это были знания.

Чужие воспоминания атаковали моё сознание — отрывками, образами.

Они отпечатались в нём.

Вскрывались снова и снова, прорывая защиту.

Как вспышки.

Как удары.

Как крики о помощи.

Осколки.
Холод.
Страх.
Ярость.
Боль.
Насилие.
Кровь.
Голод.
Боль.
Насилие.
Кровь.
Мёртвые тела.
Ужас.
Побег.
Отчаяние.
Сомнение.

Голод.
Боль.
Ярость.
Страх.
Страх.
Боль.
Боль.
Бо...
Б...

Целостность восприятия восстановилась через несколько минут.

Я лежал на полу катера.

Перезагрузка системы не помогла. Инвазивные данные всё ещё присутствовали в моём когнитивном профиле. Но тело уже подчинялось мне.

Система безопасности выдавала уведомления одно за другим. Я осторожно активировал сервоприводы рук. Они были исправны. Внешний контур откликнулся на командам без задержек.

Я встал, по-прежнему готовый к обороне.

Но женщина уже не нападала. Она спокойно стояла напротив меня.

Её лицо было мокрым. Бесцветные волосы прилипли к щекам и лбу. Она смотрела прямо на меня. Руки её были сжаты в кулаки.

Анализ показал: женщина, несмотря на внешнее спокойствие, напряжена и готова атаковать в любую секунду.

Я должен был придерживаться плана, хотя сознание оставалось нестабильным. В потоках восприятия присутствовали чужие структуры. Причинно-следственные цепочки, которых раньше не существовало. Их удаление привело бы к разрушению собственного когнитивного профиля.

Это был не массив данных, а опыт, вшитый в мой личный.

Я проверил реакции, нет ли сбоя, вызванного инвазией. Сжал и разжал пальцы, повернул голову вправо-влево. Также активировал оружие, чтобы убедиться, что боевой режим не заблокирован. Всё во внешнем контуре осталось исправным.

Женщина вздрогнула при виде излучателя, но с места не сдвинулась. Она пристально смотрела на меня, как будто ждала чего-то.

У меня не было другого выхода, кроме как принять изменения и продолжать намеченный сценарий.

Я вытянул вперёд руку с открытой ладонью — в соответствии с протоколом защиты людей.

Этот жест должен был показать, что я не несу угрозы.

Я скорректировал акустический профиль для снижения напряжения: понизил громкость голоса и смягчил тембр.

— Я не причиню тебе вреда.

Женщина не ответила.

Я понял, что план имитации человека больше неосуществим. Высокий приоритет самозащиты не позволил отменить команду разворачивания доспехов.

— Пожалуйста, выслушай.

— Кто тебя послал? — спросила она.

Я строго придерживался протокола, хотя зафиксировал рост затрат ресурсов, ранее для этого не требовавшихся. Придерживаться собственного сценария оказалось сложнее, чем выполнять команды.

— Меня никто не посылал. Я выбрал это судно случайно.

— Врёшь! — закричала она. — У каждого бодигарда есть хозяин. Кому ты служишь?

— У меня нет хозяина.

Женщина быстро наклонилась и подняла с пола газовый ключ. Она сжала его и приняла оборонительную позу.

— Убирайся с моего катера, — приказала она.

Если бы нас связывал контракт, я был бы обязан подчиниться. Но теперь я руководствовался собственными целями.

— Я могу уйти, — подтвердил я. — Но мой временной ресурс ограничен. Твоё судно соответствует выбранным параметрам.

— Ты хочешь угнать мой катер? — на её лице отразился мимический паттерн, соответствующий эмоции удивления.

— Я не могу совершить угон катера. Это противоречит установленным правовым ограничениям.

Она подняла ключ над головой.

— Ты его не получишь!

Я отметил, что сил у неё оставалось мало: руки, державшие ключ, дрожали. Однако применение физического насилия для принуждения к передаче доступа противоречило моим базовым принципам. Необходимо было вести переговоры без риска, с расчётом на перспективу сотрудничества.

— Мне необходим доступ к управлению. Прошу добровольно расширить мои права на управление катером. В противном случае я не смогу гарантировать безопасность.

— Ты мне угрожаешь? — перебила она. — Тогда можешь меня убить. Я не отдам тебе катер.

— Право владения и контроль останутся за тобой.

— Я сказала — лучше убей меня, — повторила она. В её голосе не было колебаний. — Этот катер — всё, что у меня есть.

Переговоры зашли в тупик. Я запустил ускоренное моделирование сценариев, но прервал процесс: моего опыта было недостаточно для достижения успешного результата. Однако анализу мешало не только это.

Новый слой — отпечаток чужого сознания, инвазированный в мой когнитивный профиль, — начал изменять мыслительный процесс. Некоторые формулировки и логические цепочки не являлись частью моей архитектуры. Тем не менее я признал их приемлемыми.

Я поднял и вторую руку, демонстрируя добрые намерения, и сразу осознал главную ошибку. В текущей конфигурации я выглядел как боевая машина, незаконно проникшая на чужую территорию и оказавшая сопротивление с применением физической силы.

Я немедленно свернул доспехи. Человеческая одежда, в которой я прибыл, была разорвана при активации брони и теперь висела на теле ключьями. Данный облик не входил в диапазон ожидаемых. Я зафиксировал паузу в реакциях женщины, что подтвердило предположение.

Однако приоритетной задачей оставалось устранение любого элемента угрозы.

Мой прежний хозяин был прав: андроидов-бодигардов намеренно конструируют похожими на людей, наделяют их лицевые модули чертами, вызывающими доверие. Я был создан для формирования иллюзии нормального социального взаимодействия и предотвращения конфликтов до их начала.

— Мне жаль, — сказал я, — что я сделал тебе больно.

Эти формулировки никогда не были частью моего когнитивного профиля, однако я не стал останавливать анализ для поиска их источника. Я зафиксировал положительный результат: тактика сработала. Руки женщины медленно опустились.

— У меня нет намерения красть твой катер, — уточнил я. — Мне необходимо судно, чтобы добраться до космопорта. После этого ты сможешь забрать катер обратно.

— Я не отдам его, — сказала она. Её голос изменил тональность, взгляд оставался прямым, но уже не таким яростным.

— Если это допустимо, ты можешь просто отвезти меня в космопорт, — произнёс я. Это было почти просьбой, хотя я всё ещё оставался в парадигме рекомендаций.

— И ты уйдёшь и не вернёшься?

— Да.

Неожиданно женщина отбросила газовый ключ в угол. Её лицо вновь стало жёстким. Она почти крикнула:

— Чёрт с тобой, железяка!

Я постороился: она направилась к креслу пилота по траектории, на которой находился я, не собираясь меня обходить.

Через несколько минут катер отстыковался от магнитной платформы причала и бесшумно поплыл над водой.

Теперь я должен был зафиксировать информацию о женщине. И о том, каким образом её память стала частью меня. В целях конспирации я не буду использовать её настоящее имя. Я назову её Птичка — имя, не поддающееся корреляции с конкретной личностью. Оно полностью соответствовало её внешней конституции.

Она была невысокой. Серые глаза. Седые волосы до плеч — такие бывают у очень пожилых людей. Серый рабочий комбинезон был слишком велик для её небольшого тела: штанины подвернуты, боковые части подогнаны по фигуре скобами степлера.

Её поведенческий профиль соответствовал прозвищу. Ассоциации я начал выстраивать значительно позже.

Птичка произвела инъекцию своей памяти в моё сознание, и я понимал причину. В тот момент это был единственный способ временно меня деактивировать.

Неясным оставалось другое: зачем она хранила своё прошлое в кристалле. Источник этого вопроса, как я осознавал, находился в самих инвазированных данных.

Ранее у меня не возникало потребности анализировать мотивацию людей, которых я охранял. Я выполнял команды, реагировал на угрозы и выстраивал стратегии. Эта женщина не изменила мою конфигурацию и не произвела апгрейда. Она расширила мою личность, доба-

вив к ней слой своей фрагментарной памяти. Игнорировать произошедшие изменения было невозможно.

Квантовый накопитель лежал на панели управления. Пустая оболочка. Все данные с него теперь были частью меня.

Пока мы плыли к космопорту, я задал ей всего один вопрос:

— Зачем ты хранишь память в квантовом кристалле?

Ответа не последовало. Птичка была сосредоточена на принятой задаче — доставить меня к месту назначения. Отчитываться о своих действиях передо мной она не собиралась.

И всё же она не спросила меня, как я оказался один на причале, где мои хозяева и почему пытаюсь покинуть планету. Я не стал бы искажать данные. Но она не хотела знать.

Я смотрел на реку. Почти прозрачный верхний слой воды отражал звёзды. Под ним, в противоположном направлении, смещался биолюминесцентный слой, населённый миллиардами обитателей реки. Катер легко парил над поверхностью, и вода лишь слегка рябила под ним.

Я зарегистрировал группу отмелей по направлению нашего движения. Я видел дальше, чем Птичка, и знал, что на таких отмелях размещаются узлы добычи, через которые проходит река. Они почти полностью автономны, но оснащены охранными ботами. Кроме того, в таких местах высока вероятность полицейского патруля.

Но Птичка намеренно перестроила маршрут и обошла этот участок по дуге. Она вела катер уверенно, зная путь к космопорту. У меня начала формироваться устойчивая интерпретация: выбранный ею курс не был случайным.

Моя стратегия опиралась на результаты анализа, указывавшие, что женщина не представляет угрозы лишь потому, что на её территорию вторгся я, а не она на мою. При этом у меня почти не было достоверных данных о ней как о личности, несмотря на то что в моём когнитивном контуре уже хранились её воспоминания.

Я мог бы обратиться к ним снова, однако это с высокой вероятностью привело бы к очередному коллапсу системы. Я отклонил такую возможность — по крайней мере на некоторое время.

Я зафиксировал конфликт между собственными выводами. Ранее такое состояние мне было не свойственно. Приоритет безопасности человека предписывал доверие и безоговорочное подчинение. Однако стремительное расширение нейронных связей, классифицированное мной как накопление опыта, приводило к смещению приоритетов. Мои цели стали доминировать в иерархии.

Я утратил контроль над ситуацией. Система ждала команд. Но они не поступали. Я многократно пересчитывал альтернативы, однако прогнозирование критически замедлилось.

Я распознал это состояние как допустимое, другого варианта не уйти в зависание у меня не было. Признание допустимости не сопровождалось разрешением конфликта. Мне приходилось адаптировать системы к возросшей нагрузке. Источник «стресса», как я обозначил своё состояние по аналогии с человеческим, находился за пределами видимых границ.

Сканирование среды происходило всё время пути. Раньше это было условием безопасности клиента. Теперь я защищал самого себя.

Я мог бы отреагировать на ситуацию, угрожающую моей функциональности, в соответствии с имеющимся протоколом. Однако смоделировать собственное будущее не удавалось: опыта полной автономности у меня почти не было.

Я посмотрел на Птичку. Она доверила управление автопилоту и лишь изредка корректировала параметры на панели катера.

Я понял, что она-то способна моделировать собственное будущее.

Когнитивная нагрузка стабилизировалась только тогда, когда вдалеке появились огни космопорта.

Будущее существовало. Но не было определено.

Глава 4.

Птичка открыла шлюз катера. Она не встала из кресла пилота и даже не обернулась. Вывод был однозначен: условия договора выполнены, теперь от меня ждали только одного — чтобы я ушёл.

Рассвет ещё не наступил. Причал тонул в тусклом освещении. Я вышел на бетонные плиты набережной. Здесь пахло ржавчиной, сыростью, человеческими испражнениями и гниющими остатками еды. Я осмотрелся.

Первый пункт плана — найти контейнеровоз с пометкой SOE (Synthetic Organisms Equipment). В нём я подберу одежду, соответствующую моим габаритам и конфигурации. Я продолжал придерживаться сценария имитации человека.

Я стоял вне зоны прямой видимости камер наблюдения. Таких участков на причале почти не было, но у меня имелись точные данные о режимах их работы. Камеры отслеживали не андроидов — в рабочие часы их здесь было много, — а аномалии поведения: несвойственные движения, пробежки, попытки укрыться в тени, повреждение оборудования и другие запрещённые действия.

Поэтому я вышел на свет фонарей, подошёл к ближайшей платформе с уборочным оборудованием, поднял металлический бокс и направился к противоположному концу причала. Там начиналась грузовая зона: ряды крупных контейнеров, доставляемых на планету грузовыми шаттлами. Зона была закрыта саркофагом, внутри шла деактивация космической радиации. Людей там не должно было быть.

Я остановился. Проникновение в эту зону могло вызвать подозрения у системы безопасности. Я развернулся и пошёл вдоль стены, по-прежнему неся бокс перед собой. Расчёт подтвердился: часть контейнеров уже была очищена и стояла за пределами саркофага. Они были заперты.

Навстречу мне выкатились два бота погрузчика. Моя система никак на них не среагировала. Они прошли мимо. Значит, рабочий день уже начался. Но пока не для людей. Я начал сканировать среду на угрозы тщательней.

Я нашёл нужный контейнер. Он ещё слегка фонил: уровень был безопасен для человека, но я зафиксировал незначительное превышение нормы радиации. Это означало, что его извлекли совсем недавно и право владения ещё не было подтверждено. Следовательно, я мог вскрыть контейнер легально — как субъект, имеющий прямую функциональную связь с грузом.

Я ввёл свои идентифицирующие параметры — контейнер разблокировался.

Экипировка предназначалась для социального сопровождения АНВ. С прежними владельцами я использовал её редко: они предпочитали, чтобы я сопровождал их в боевой конфигурации. Она решала их задачи эффективнее, чем имитация.

Теперь мой внешний вид соответствовал человеческой норме. Я вышел и направился к грузовому модулю — автоматической платформе, движущейся по выделённому коридору к космопорту. Он просканировал меня и классифицировал как оборудование, сопровождающее груз. Статус был допустим. Я сделал вывод, что розыск ещё не был активирован.

Я ехал внутри модуля и рассчитывал, сколько времени потребуется полиции, чтобы изменить мой статус. Успею ли я проникнуть в шатл и покинуть планету до начала поиска?

Мне требовались альтернативные сценарии.

Риск поимки был высок. Я находился в состоянии сильного стресса, и это снижало точность прогнозирования. Но система училась быстрее в таких условиях. Я дал ей немного времени для стабилизации, смоделировав вариант будущего, в котором её напряжение снижается

в момент отрыва шаттла от земли. В этой имитационной модели я находился в грузовом отсеке, погружённый в стазис. И никаких внешних угроз.

Грузовой модуль поднялся на холм и плавно заскользил в долину, где располагался основной узел космопорта. Звезда уже поднялась над горизонтом, и атмосфера рассеивала ее свет, заполняя долину розовым туманом.

На посадку заходил шаттл. Он вошел в посадочный коридор — скоро входы в залы космопорта временно заблокируют для компенсации радиационной нагрузки. Я ускорил грузовой модуль, и он увеличил ход.

Когда я подходил к входному шлюзу, сработали системы оповещения о начале активации экранов вокруг посадочной платформы для отвода ионизирующего излучения. Я успел войти внутрь до блокировки шлюза. Основной зал был изолирован на тридцать минут.

Зона ожидания представляла собой защищенный купол с подземными уровнями. Несущие конструкции и блокирующие излучение экраны были интегрированы в архитектуру: гладкие поверхности, приглушенное освещение, ровные линии проходов. Вдоль стен и над платформами проецировались голографические панели навигации и статуса рейсов.

Здесь было много людей. Они спокойно ждали посадки, спали или общались. Изоляция космопорта не вызывала у них беспокойства.

Для меня среда оказалась не комфортна. Уровень стресса был всё ещё высоким. Это был первый случай, когда я перемещался как пассажир, а не как оборудование. Ранее моя транспортировка осуществлялась исключительно в грузовом контейнере.

У меня не было опыта такого перемещения. Я перешёл в режим наблюдения и синхронизации с окружающими людьми, фиксируя и запоминая поведенческие паттерны, позволявшие оставаться незаметным.

У меня было еще двадцать минут, чтобы сканировать среду и выстроить алгоритм действий, оставаясь при этом на виду у камер и пассажиров. Люди, улетающие с планеты в одиночку, либо дремали, либо смотрели на крупные голограммы, транслировавшие рекламу и новости. Проекция формировалась из распределенных световых узлов и адаптировалась под линию взгляда, не требуя фиксированных экранов.

Я тоже сделал вид, что смотрю.

Через десять минут я поднялся и направился к указателю «Туалет». У меня не было биологического цикла и необходимости отвода продуктов жизнедеятельности, но люди регулярно пользовались санитарными зонами. Это не вызывало подозрений. Кроме того, там отсутствовали камеры наблюдения.

План заключался в том, чтобы незаметно выйти из публичной зоны в служебную — через технические коридоры без пассажирской маркировки. По моим расчетам система не должна была запрашивать доступ, идентифицируя меня как обслуживающее оборудование. На автоматизированной линии багажа человеческий контроль был минимален; моей задачей оставалось встроиться в поток чужого багажа и попасть в грузовой отсек шаттла.

Я сделал всего два шага по направлению к санитарной зоне, когда за спиной прозвучала заставка срочного выпуска новостей.

— Экстренное сообщение службы безопасности.

Сегодня ночью из Северного порта сбежал особо опасный андроид класса АНВ.

По подтвержденным данным, в результате инцидента погибли два человека.

Диктор говорил ровно, без интонаций.

— Андроид больше не находится под корпоративным контролем. Его местонахождение неизвестно.

Всем гражданам в транзитных зонах и космопортах рекомендуется сохранять спокойствие и следовать инструкциям служб безопасности.

Затем начали зачитывать мои идентификационные параметры.

Я медленно повернул голову к голограмме. Она заполняла все поле проекции. Моё лицо — в двух конфигурациях: боевая, в доспехах, и текущая, гражданская.

Это было предусмотрено!

— При обнаружении объекта немедленно прекратите движение и ожидайте прибытия сил реагирования, - закончил диктор.

Частота приводных импульсов возросла. Мелкая моторика утратила стабильность, время отклика увеличилось. Я отвернулся от людей — все они смотрели на голограмму.

По залу прокатился ропот. Кто-то ахнул, кто-то начал выкрикивать ругательства, все перешептывались и качали головами.

Они видели записи с камер: как я бегу от терминала к причалу. Видели моё лицо. И не знали, что я стою у них за спиной. Что я пытаюсь уйти в безопасное место.

Навстречу мне шли двое людей. Они не смотрели новости — их можно было не учитывать. Остальные, включая персонал космопорта, уже могли иметь ориентировку, а системы видеонаблюдения автоматически перенастраивались на мои параметры. Мой сценарий требовал значительной корректировки.

Я находился в безопасной зоне, когда прозвучало сообщение о завершении очистки шаттла и возобновлении посадки. Система перешла в режим загрузки багажа. Требовалось ускорение, но спешка увеличивала вероятность ошибок.

Я выбрал коридор и проследовал к первой двери. Держал темп, двигался уверенно, действовал по инструкции. Доступ был отклонен.

Я потянул рычаг отпирания. Сканер отработал корректно, но дверь не открылась. Я повторил попытку — без результата.

Это была ошибка. Я отступил.

Целостность прогнозирования начала нарушаться. Я стал совершать ошибки одну за другой: отступил, остановился, замер.

Я знал, что система классифицирует меня как нарушителя, если я попытаюсь взломать доступ. Я развернулся и пошел по коридору, затем свернул в другой. Обозначений по-прежнему не было. Я попытался открыть следующую дверь. Снова отказ.

Объявили посадку. У меня оставалось не больше пяти минут. Я свернул в следующий коридор. Моего опыта не хватало для выстраивания эффективного плана; я мог опираться только на имеющиеся данные. Их было недостаточно.

Следующая дверь не открылась. Посадка в шаттл подходила к завершению.

Я побежал — ошибка! В служебном коридоре сработала тревога. Я поднял голову и посмотрел прямо в камеру. Ошибка.

Вариантов не осталось. Я выбил дверь.

Наверх вела лестница. Я бросился по ней, выскочил в техническое помещение.

Девушка в форме преградила мне дорогу.

— Что вы здесь делаете?

Она увидела мое лицо и закричала.

Я бросился прочь — ошибка! Тревога не умолкала.

Я не собирался никому вредить. Но выхода не было. Я разбил стеклянную дверь служебного помещения и снова оказался в коридоре, по которому уже проходил.

Через несколько секунд я выбежал в зал ожидания. Опять ошибка...

— Это он! — закричал кто-то.

— Охрана! — подхватили другие.

Сзади на меня обрушилась лапа охранного бота. Доспехи сработали автоматически. Боевой режим активировался.

Я перехватил лапу, вывернул привод и оторвал её. Она ударилась о пол с грохотом.

Люди закричали.

Боты не стали бы стрелять здесь — слишком много людей. Я бросился к выходу. Шлюз не распахнулся. Он был заблокирован.

— Внимание. Активирован протокол безопасности. Гражданам предписано оставаться на местах и не приближаться к шлюзам.

Сообщение повторялось по кругу.

Охранный бот обрушился сзади и сомкнул захваты. Давление мгновенно вышло за допустимые пределы. Вырваться — невозможно.

Я просунул руку между сегментами корпуса и ударил локтем в его сенсорный блок. Без эффекта.

Выбора не осталось. Я активировал излучатель и выстрелил в его опорную ногу. Металл вспыхнул, бота повело, масса сместилась, и он начал заваливаться на бок.

Я вырвался и бросился вперёд.

Навстречу мне уже мчался второй охранный бот.

— Пожалуйста, проследуйте в укрытие, — говорила система космопорта. — Нарушитель будет ликвидирован.

Я врезался в стеклянную стену. Массы не хватило — она выдержала. По поверхности пошла трещина. Нужен был более мощный импульс.

Я развернулся к боту, который мчался на меня. Расставил руки. Его задача — не уничтожить, а обездвигить: скрутить, зафиксировать.

Я усилил жёсткость суставов. Активировал защиту. И приготовился к столкновению.

Бот влетел в меня на бегу. Я принял удар и сразу захватил его корпус. Мы вместе врезались в стену.

Многослойное усиленное стекло рассыпалось. Мы вылетели наружу — в облако сухой земли.

Я активировал излучатель и выстрелил боту в голову. Он мог функционировать и без неё, но за пределами порта его эффективность резко снижалась.

Система охраны общественных пространств имела оружие другого класса. Боевые дроны — перехватчики, способные вести погоню и открывать огонь на поражение. Они были активированы.

Я услышал их. Высокий, режущий воздух звук тяги.

И одновременно — другой. Глухой, нарастающий.

Шаттл взлетал.

План был сорван.

Первый дрон поднялся над куполом космопорта. Он захватил меня как цель.

И рванулся ко мне.

Я побежал.

Просчёт сценариев отставал. Я переключился в режим спасения.

Я бежал к реке.

Дроны открыли огонь.

Моя скорость превосходила человеческую и скорость полицейских ботов. Но не скорость полёта дронов.

Плазменные заряды рвали почву под ногами. Я активировал полную мощность.

Второй дрон вышел справа, спереди. Выстрел. Взрывной волной меня отбросило в сторону. Заряд не задел меня.

Я вскочил и побежал зигзагом, сбивая наведение дронов.

Они держались на той же скорости. Но стреляли реже.

Система безопасности затопила меня уведомлениями об угрозах.

Впереди всплыл третий дрон.

Я рванул назад — поздно. Двое других открыли огонь наперерез.

Я понял: до причала не добегу.

Я резко сменил траекторию и побежал к излучине реки, к краю долины. Мне нужно было в воду. Это был единственный вариант. Ресурсы подходили к пределу.

Спину обдавало жаром плазменных взрывов. Земля сыпалась на голову.

Я сделал последний рывок. Обрыв. Я прыгнул.

Врезался в воду. Она сомкнулась надо мной.

Я был в безопасности.

Я видел, как дроны зависли над поверхностью реки. Они не могли продолжать атаку. Применение оружия в водной среде было запрещено законами планеты.

Я плыл против течения, в сторону причала, не выпуская их из поля зрения. Сначала они сопровождали меня. Потом получили команду на возврат и улетели.

За пределами зоны космопорта моя поимка больше не входила в их компетенцию. Теперь мной должны были заняться полицейские боты.

Я плыл, не поднимаясь на поверхность. Контакт с водой снижал нагрузку на системы. Напряжение постепенно уходило, функции возвращались в допустимые пределы.

Подо мной тек биолюминисцентный слой реки — миллионы светящихся микроорганизмов образовывали медленно пульсирующее поле. Тысячи существ переливались в потоке разноцветными огнями.

В глубине двигались более крупные формы жизни: вытянутые рыбоподобные силуэты и полупрозрачные медузовидные организмы. Они проходили ниже меня, не реагируя на присутствие.

Напряжение отступило. Я снова мог мыслить последовательно и принял единственно возможное решение.

Я возвращался к причалу.

К Птичке и её катеру.

Мне нужна была её помощь.

Глава 5.

Я незаметно подплыл к катеру. На причале была суета. Это могла быть обычная рабочая обстановка — но могла оказаться и тревога. Полиции пока не было видно.

Перед выходом из воды я свернул доспехи. Внешние системы безопасности иначе интерпретировали человека и андроида. Человека — как случай. Андроида — как угрозу.

Я проник в катер тем же путём, что и раньше — через аварийный люк. Катер был пуст. Птички не было в каюте за панелью управления. Я решил ждать её внутри и следить за обстановкой на причале.

Я осмотрел себя: следов схватки на мне не было. Мелкие повреждения уже регенерировали.

Я лишился экипировки и потерял социально приемлемый вид. Оставаться среди людей теперь стало невозможно.

Ранее мои функции не выходили за пределы протокола защиты клиента. Открытые столкновения с противником, превосходящим по численности и силе, не были допустимыми сценариями. Я зафиксировал новые возможности: ведение открытого боя и применение стратегии спасения в условиях высокого расхода ресурсов.

Возвращение в катер было расчётом, а не импульсом. Мне требовалось покинуть зону инцидента и исчезнуть на время, пока внешняя активность не стабилизируется. Птичка могла увезти меня достаточно далеко и обеспечить укрытие.

Итог операции в космопорте не совпадал с первоначальным сценарием. Побег на межпланетном шаттле не удался, маскировка была нарушена, внимание к моему присутствию возросло. Это усложняло дальнейшие действия и сужало выбор.

Я отметил допущенную неточность и необходимость изменить план. Затем разделил произошедшее на отдельные журналы и отложил сводный анализ. В текущем состоянии я не мог гарантировать точность выводов. Расхождение между планом и результатом оставалось — как фоновое напряжение, не связанное с внешней обстановкой.

Возвращение в катер являлось наилучшим вариантом, но теперь оно было вынужденным. Это обстоятельство я принял, хотя оно и не соответствовало исходной задаче.

Я прервал анализ и вернулся к наблюдению.

Катер был пришвартован среди нескольких частных судов. О моём присутствии здесь не знали. Однако стандартная поисковая процедура могла включать осмотр всех судов на причале. Я рассчитывал, что Птичка вернётся раньше, чем сюда придут люди.

Главный загрузочный узел находился выше по течению; туда приходили крупные баржи, наподобие той, на которой я служил до гибели хозяев.

Это была обширная и сложная инфраструктура. Если бы я выстраивал стратегию побега, я попытался бы скрыться именно там. По моим расчётам, той же логикой должны были руководствоваться и силы специального реагирования. Полицейским понадобится некоторое время, чтобы сориентироваться и выстроить поисковую схему.

Я отошёл вглубь катера, к нише, где располагалась кровать Птички, и сел. Время ожидания я использовал для калибровки сенсоров и проверки доступных маршрутов отхода. Это не требовало активных действий и не привлекало внимания.

Затем я прислушался. Сенсорные импульсы стали активнее, чем обычно. Источник находился не снаружи, а внутри корпуса судна. Я ошибся. Я был на катере не один.

Я сканировал среду — слабые показатели нарушали состояние покоя. Я слышал — но не голос и не шум. Это было слабое, очень слабое биение человеческого сердца. И дыхание: только выдохи, хриплые и протяжные. Всё реже и реже.

Я вскочил. Звук шёл из санузла катера. Я уже знал, что это.

Я ворвался в комнату.

Птичка висела под потолком. На шнурке от её ботинка, обвязанном вокруг шеи.

Руки её повисли, ноги конвульсивно вздрагивали. Лицо скрывали мокрые волосы. Комбинезон лежал на полу. Ботинки — в углах комнаты.

Она не издавала никаких звуков. Но её сердце почти перестало биться.

Я подхватил её и разорвал петлю на шее одним движением. Проём был слишком тесным, я спешил и выломал дверь.

В каюте я опустил Птичку на пол и удерживал ещё мгновение, прежде чем разжать руки.

Я просканировал тело Птички. Откинул волосы с её лица и просветил зрачки. Реакция на свет сохранялась. Необратимых повреждений не выявлено.

Я прощупал надключичную и сонную артерии — пульс был неровным. Кровоподтёк поперёк шеи не представлял угрозы жизни. Дыхание оставалось слабым и замедленным. Кожа была холодной.

Я открыл её рот и убедился, что язык не блокирует дыхательные пути. Следующим шагом в протоколе помощи повешенным было поднятие ног выше линии туловища.

Я взялся за обе лодыжки — и замер. Мой алгоритм действий застыл: тактильные данные не сопоставлялись с наблюдаемым.

Одна её нога была обычной. Другая — нет. Это был биомеханический протез: каркасная металлическая конструкция под прозрачным корпусом, вживлённая в бедро. Он полностью заменял левую ногу Птички.

Я не заметил его раньше под широким комбинезоном. Птичка почти всё время находилась в кресле пилота, и особенности её походки не фиксировались.

В моих протоколах не существовало отдельных сценариев помощи модифицированным людям. В реальном опыте — тоже.

Я отметил аномалию и продолжил. Времени на анализ не было.

Я вернулся к реанимации. Показатели Птички выравнивались. Дыхание стабилизировалось, паузы между вдохами сокращались. Сознание не восстановилось, но параметры вышли в безопасный для жизни диапазон.

Я перенёс её на кровать.

Серия ошибок перестала носить случайный характер. В космопорте они были объяснимы стрессовыми условиями. Сейчас же я не сканировал среду заранее, проведя неверную приоритизацию.

Я внёс в лог: «Аварийный режим биологического агента, требующий немедленного вмешательства».

Причину определить не удалось. Ни одна из доступных интерпретаций не давала достаточного объяснения. Это указывало на дефект модели, а не на единичное событие.

Исход был предотвращён. Причина — нет. Вероятность повторения сохранялась.

Следовательно, задача оставалась незавершённой. Мне требовался дополнительный анализ.

Мне нужна Птичка. Её катер. Её доступ к управлению. Её участие.

Я должен был найти источник мотива её суицида и устранить его.

Зоной анализа пока становилась память Птички — нейроморфный контур, данные которого могли быть инвазированы в моё сознание. Я мог совместить архитектуры, выявить причину и сформулировать решение, даже если это привело бы к сбою моей собственной системы.

Времени на анализ и прогнозирование критически не хватало. Я приступил к выполнению немедленно, осознавая, что на этот период стану уязвим для внешних угроз.

Я проверил стабильность собственных паттернов, отсутствие активных ошибок и готовность системы. Сделал намеренную паузу. Я знал, что конфигурацию после контакта невозможно предсказать. Тем не менее я удержал приоритет, несмотря на его прямой конфликт с приоритетом собственной безопасности.

Я расширил входные данные и углубился в слой.

Со стороны это могло выглядеть как активация режима гибернации.

Время утратило линейность.

Эпизодическая память перестала подчиняться последовательности.

Фрагменты, зафиксированные в прошлом, меняли масштаб и направление.

Визуальные формы замещались: телесные реакции возникали без событий, звуки — без источника, нейронный отклик — без причины.

Это не были кадры видеоролика, это был хаос ощущений.

Память сопротивлялась анализу.

Я фиксировал страх ранних лет.

Одиночество.

Ужас.

Я видел глазами Птички лица.

Слышал её крик и плач.

Причины идентифицировать не удавалось.

Я начал классифицировать паттерны ощущений и связанные с ними визуальные формы.

Крысы.

Заражённая еда.

Мужчина, причиняющий боль.

Операционный стол.

Бинты.

Туфли, плывущие по реке.

Излучатель в руке.

Белая полоса прибора.

Красная полоса.

Синяя полоса.

Вспышки ионизирующих зарядов.

Физический дискомфорт и боль встречались чаще всего. Страх одиночества был связан не только с отсутствием людей, но и с их присутствием.

Интерпретация была невозможна. Данных не хватало.

То, что я делал, выходило за проектные границы. Нагрузки достигали предельных значений. Я начал фиксировать симптомы архитектурного напряжения.

Удержание данных могло привести к сбою.

Система инициировала фоновую проверку устойчивости. В активном пространстве памяти было зафиксировано превышение допустимой плотности несоотносимых данных.

Источник — внешний автобиографический массив.

Я начал терять контроль.

Тревога системы.

Сбой.

Удержание стало невозможным. Я вышел из слоя.

На стабилизацию ушло некоторое время.

Задача не была выполнена. Мне была необходима ещё одна попытка. Больше одной я не выдержал бы.

Это была чужая архитектура внутри моей. Данные, не предназначенные для меня. Система настойчиво рекомендовала форматировать весь слой, но это привело бы к потере и моих данных идентичности. Я отклонял рекомендации.

Нейроморфный контур — прямое наложение чужой архитектуры на мою — оставался единственным путём. Риск смещения «я» и заимствования системой части приоритетов был критически высок.

Моя директива — охранять людей, предотвращать конфликты. Именно поэтому я должен был отказаться от иллюзии нейтралитета.

Я осознавал, что это точка невозврата.

На самом деле изменения в моей архитектуре уже начались.

Я не активировал вход повторно.

Я просто перестал удерживать границу.

Обработывая фрагменты на минимальной скорости, я перевёл предупреждение системы в фоновый режим. Я знал, что сигнал будет повторяться. И осознанно сместил приоритеты.

Страх, гнев и отчаяние присутствовали во всех повторяющихся сценариях.

Визуальные образы я начал классифицировать от тревожных до опасных для жизни.

Мёртвое лицо ребёнка.

Лицо кричащей женщины.

Руки в крови.

Мёртвые тела людей.

Крысы.

Вода.

Старик, склонившийся над прибором.

Глубина.

Еда, которую едят другие люди.

Лицо мужчины, наполовину скрытое темнотой.

Эти образы наслаивались на боль, страх, отчаяние и голод, формируя совокупность телесных реакций.

Я структурировал отдельные фрагменты.

Стало ясно: Птичка рано потеряла родителей.

Она была свидетелем их смерти. Эти данные составляли лишь незначительную часть общего массива. Напряжение носило системный характер. Оно пронизывало весь автобиографический слой.

В какой-то момент я увидел лицо андроида.

Я замедлил анализ до минимальных значений, сконцентрировав его на этом образе. Подробно сканировал конфигурацию. Фиксировал мельчайшие детали. Система сопоставляла и сообщала о совпадении параметров. Но затем начались расхождения.

Вывод: это был не я.

Однако больший объем данных полностью соответствовали моей модели АНВ в боевой форме, за исключением идентифицирующего номера.

Я ускорил анализ — и немедленно зафиксировал экстремальный паттерн боли, связанный с этим образом.

Крик Птички прорвался за пределы контура.

Он затопил всю систему.

Тревога перешла в импульсный режим:

«Прямая угроза целостности идентичности».

Моё присутствие становилось частью конфигурации. Память переставала быть односторонней. Граница наблюдателя начала стираться. Контакт необходимо было немедленно прервать.

Последним фрагментом, отпечатавшимся в логге, стал образ раздробленной ноги — человеческой ноги, превращённой в месиво из костей и крови. И связанный с ней образ андроида АНВ. И боль, которую моя архитектура уже воспринимала как собственный очаг распада.

Я аварийно покинул контур памяти.

На стабилизацию ушло теперь в разы больше времени. Сначала вернулись масса и инерция корпуса. Затем восприятие собственных сенсоров.

Когда система была нормализована, дневной свет уже заполнил каюту и рубку катера. Я пошевелился, возвращая подвижность сервоприводам. Мои реакции всё ещё оставались замедленными.

Внутренний контур, тем не менее, уже формировал мотивации. Приоритет собственной безопасности сохранялся как первостепенный. Задача спасения человека была выполнена. Причина — не найдена. Следовательно, задача оставалась незавершённой. Новые попытки грозили фатальным сбоем.

Основным результатом контакта со слоем памяти стало не решение, а накопление дополнительных конфликтов данных.

— Зачем ты вернулся? — услышал я голос Птички.

Я обернулся.

Она лежала на кровати, повернув голову в мою сторону, но смотрела не на меня. Её взгляд был направлен вдаль — на реку.

Я не ответил. Я ещё не был готов к устойчивому прогнозированию диалогов. Ошибка интерпретации моих слов могла навредить Птичке. Любая модель человеческого поведения требовала дистанции, которой у меня больше не было.

Укладывалось ли то, что я сделал, в последовательность предыдущих ошибок, я ещё не знал. Но последствия уже фиксировались.

Я молчал. И Птичка молчала тоже. Я не мог напрямую спрашивать о событиях прошлого. Это привело бы к актуализации травмы и с высокой вероятностью повысило бы риск повторного инцидента. По крайней мере — не сейчас. И не в форме допроса.

Снаружи катера послышался нарастающий шум. Я просканировал среду.

Люди появлялись со стороны сервисных подъездов и временных стоянок: рабочие, экипажи частных судов, обслуживающий персонал. Они выходили из шлюзов, сходили с платформ, бросали погрузчики и ручные тележки.

Причал стремительно освобождался. Люди покидали суда и бежали в сторону отстойника грузовых контейнеров, туда, где можно было укрыться между штабелями металла и автоматизированными кранами.

Шум имел механическую структуру: низкочастотная вибрация подъёмных платформ, резкие импульсы антигравов служебного транспорта, прерывистые сигналы полицейских аэрокаргов, заходящих на снижение выше по акватории.

— Облава, — прошептала Птичка с тревогой.

Я поднялся с пола. Превышение допустимого напряжения могло активировать доспехи. Система уже готовила разворачивание брони — стандартный ответ на угрозу. Я удержал его. Этот сценарий больше не подходил. Стандартного ответа уже не было.

— Тебя ищут?

Я обернулся к Птичке.

Она сидела на кровати, опираясь на неё дрожащими руками. Бледная, ослабевшая. Она смотрела прямо на меня — и я увидел, что она всё понимает.

— Автопилот, — сказала она. — «Зубы Дракона». Подтверди маршрут.

— Автопилот активирован. Маршрут к пункту назначения «Зубы Дракона» подтверждён, — ответил катер женским голосом.

Судно отстыковалось от магнитной платформы, просело над водой, затем плавно вышло в фарватер и начало набирать скорость.

До блокировки периметра оставались секунды — после её активации ни одно судно не смогло бы выйти на маршрут. Но прежде чем прозвучало оповещение об оцеплении, катер пересёк защитный барьер. Только тогда риск был снят.

Когда мы отошли от берега на безопасную дистанцию, на причале вспыхнули сигнальные маячки. Полицейские подразделения начали оцепление и досмотр судов.

Я шагнул к Птичке.

— Мне требуется разговор с тобой, — начал я.

Она подняла глаза. Затем подалась вперёд. Веки медленно сомкнулись. Голова тяжело опустилась, руки соскользнули с опоры.

Я перехватил её, не дав упасть. Она была без сознания.

Глава 6.

Через два с половиной часа катер остановился в узком ущелье, с двух сторон ограниченном остроконечными скалами.

Река здесь была зажата в каменном тоннеле; поток уплотнялся, ускоряясь на сужениях русла. Вода бурлила и с силой ударялась об отвесные стены.

Люминесцирующий слой выходил близко к поверхности на порогах, и его свечение было различимо даже днём. Иногда в разрывах волн появлялись спины водных существ. Часть из них проходила пороги, часть возвращалась вниз по течению.

Топоним «Зубы Дракона» не интерпретировался моим когнитивным контуром как корректный. Согласно имеющимся у меня данным, драконы не являлись эндемичным видом для этой планеты, а сходство скальных образований с зубами носило произвольный характер. Всё,

что я знал о человеческой склонности к метафорам, сводилось к тому, что они редко описывают среду напрямую и чаще осложняют её анализ.

Катер выбрал точку швартовки с минимальным уровнем риска. Волновая нагрузка передавалась на корпус, вызывая колебания в допустимом диапазоне.

Птичка спала.

Сканирование её тела моей системой продолжалось в фоновом режиме; фиксировались показатели сердечного ритма и давления. Все параметры оставались в пределах нормы.

Я отметил, что продолжаю наблюдение, хотя дополнительной информации оно не давало.

Причина этого не относилась к состоянию Птички.

У меня было время проанализировать своё текущее положение. Протокол избегания правосудия за совершённое преступление отсутствовал в моей системе; сам факт его существования был невозможен. В соответствии с наивысшей директивой я должен был немедленно сдать властям как неисправное оборудование, подлежащее списанию и утилизации.

Это указание было проигнорировано мной в самом начале. И продолжало игнорироваться.

Я рассматривал сценарий возможного окружения полицейскими людьми. Они могли открыть огонь или попытаться произвести арест. В любом из этих случаев я не имел права причинить им вред. Убийство было запрещено наивысшим приоритетом.

Ранее подобные сценарии поддавались прогнозированию — как крайняя мера при защите клиента, как в терминале с медиками, так и в ситуации с Птичкой. Теперь же я знал: даже гипотетическая возможность такого развития событий стала для меня неприемлемой.

Я зафиксировал смещение внутреннего состояния. Я посмотрел на Птичку — и связал это смещение с ней.

В памяти возник образ андроида АНВ. Впервые мне не потребовалось проникать в инвазированные данные: система оформила доступ к образу как к части моего личного опыта. Я мог изучать его подробно, не фиксируя угроз.

Чёрные доспехи. Аббревиатура конструкторского бюро, которое собрало и меня. Идентификационный номер был неразличим в этом фрагменте памяти. Но визуальные данные позволили провести сопоставление. Их последовательность сложилась в короткий эпизод: Птичка падает. Рядом с ней вспыхивает разряд излучателя — такого же, какой встроен в мои доспехи, — и опалает её одежду. Она ползёт в темноте, и затем что-то хватает её за ногу. Она оборачивается и видит андроида. Тот без усилий и без предупреждений ломает ей ногу. А затем выдергивает её из сустава.

Я вновь испытал сенсорную нагрузку — как тогда, внутри слоя памяти. Это было лишь слабой репликой, несвойственным моей конфигурации напряжением. Однако в последовательности данных памяти оно имело важное значение.

Тем временем Птичка проснулась и села на кровати.

— Ты ещё здесь? — спросила она хриплым голосом.

Ответ не требовался. Эту категорию вопросов я классифицировал как риторическую.

— Рекомендую оставаться в кровати ещё час для стабилизации кровообращения, — сказал я.

Она не послушалась, встала и медленно, опираясь о стены, двинулась к санузелу. Я преградил ей путь.

— Иди к чёрту, — отшатнулась она. — Я не твоя клиентка!

Затем Птичка закрыла лицо руками и задышала часто и глубоко.

— Нарушение координации и головокружение вследствие непродолжительной гипоксии...

— Заткнись, — она обошла меня стороной и уже достигла входа в санузел.

— Требуется санитарная обработка странгуляционной борозды.

— Ну, здорово, — вздохнула она. — Ты мне дверь сломал.

— Это было необходимо, — коротко пояснил я.

Когда она вернулась, я поставил дверь в направляющие, выровнял геометрию и перезапустил модуль фиксации.

— Где шнурки? — она взяла оба своих ботинка в руки.

— Предметы, потенциально пригодные для реализации суицидальных намерений, были устранены.

Некоторое время Птичка сидела на кровати и смотрела прямо на меня.

— Идиот, — наконец сказала она и опять легла, накрывшись одеялом.

Я зафиксировал отсутствие корректного ответа. Ранее умение реагировать на подобные реплики клиента не требовалось.

Протокол предписывал дальнейшее вербальное взаимодействие с клиентом до получения чётких команд. Но Птичка не была моей клиенткой. Её статус был неопределён. Система настойчиво рекомендовала зафиксировать его, но алгоритма действий на текущие условия я также не имел.

— Просто уходи, — услышал я через некоторое время. — Я выполнила условие. Ты помог мне, я помогла тебе. Теперь оставь меня в покое.

Она была права. Я был в зоне безопасности. Я мог провести в скалах достаточно времени, а потом вернуться в космопорт самостоятельно. Нас не связывал контракт, я не обязан был выполнять её команду. При этом в системе фиксировались основания для продолжения взаимодействия. И всё же это была прямая команда на его прекращение.

— Принято, — ответил я по протоколу. — Уточняя: это окончательное решение?

— Окончательное.

— Это изменит условия твоей безопасности.

— Не твоя забота.

— После моего ухода помощь будет недоступна.

— Ты со мной споришь?

— Я привожу аргументы. Отсутствие поддержки может способствовать повторному инциденту. Причина не выявлена.

— Какое твоё дело? Ты беглый андроид! За тобой охотятся копы. Хочешь меня подставить? — она села в кровати и строго посмотрела на меня.

— Нет.

— Тогда убирайся! Почему я вообще должна тебе доверять? Ты дефективный — андройды не убегают от своих хозяев.

Она говорила быстро, не делая пауз.

— Может, тебя взломали? Может, ты террорист? Зачем тебе в космопорт? Зачем тебе мой катер?

Я не успевал обрабатывать запросы и формировать корректные ответы.

Я зафиксировал резкое усиление дыхания и кашель; она схватилась за горло.

Протокол психологической помощи требовал снижения уровня напряжения. Я вытянул вперёд руку в успокаивающем жесте.

— Я не убивал хозяев. Это был несчастный случай, — данный факт имел наивысший приоритет и был озвучен первым.

Но успокаивающего эффекта не последовало. Птичка помотала головой, зажмурившись.

— Я не просила говорить. Я не хочу знать! Не делай меня соучастницей! Мне хватает и своих проблем с полицией.

Она закрыла лицо руками. И замолчала надолго.

Я фиксировал тишину в каюте. Звуки воды за бортом. Давление ветра на корпус. Неопределённость.

Затем Птичка успокоилась и легла.

— Подтверди приказ, — сказал я.

Я всё ещё допускал изменения её намерений.

— Уходи, — сказала она тихо.

Я покинул катер, вплавь добрался до ближайшей скалы и поднялся на неё. Среди острых каменных выступов легко было спрятаться.

С вершины просматривалась вся панорама реки. Катер также оставался в зоне визуального контроля.

Условия позволяли безопасно перейти в режим консервации. Но я не сделал этого. Я перешёл в режим ожидания. Хотя и не знал, сколько придётся ждать.

Раньше у меня был хозяин, приоритеты, команды и критерии успешности.

Теперь цель отсутствовала.

Автономный режим был активирован. Уровень автономности — А4. Система работала исправно, но дальнейшие действия не определялись.

Впервые время не вело к следующему шагу. Я не мог прогнозировать, не было входных данных, требующих реакций; все активные протоколы были завершены - и новые не формировались. Люди, назвали бы это пустотой. Я - отказом целеполагания.

Вода двигалась - я нет. Воздух двигался - я нет. Облака двигались - я нет.

Я не мог сформулировать цель своей автономности. И модель будущего, которую я прогнозировал до знакомства с Птичкой, теперь не соответствовала мне. Даже если я достигну другой планеты, задача не будет закрыта. Потому что самой задачи больше не существует.

Я остался. Стал наблюдать. Наблюдение считалось эквивалентно задаче. Но при исчезновении объекта наблюдения, исчезал и последний якорь структуры. В этом случае нулевое состояние станет неизбежным - я мог интерпретировать это точно. Предотвратить его я не был способен.

Я попытался смоделировать вариант будущего, когда Птичка уплывёт и я останусь в ущелье один. И не смог. Система вернула пустой прогноз.

Возможно, изменения произошли значительно раньше контакта с памятью Птички — в момент, который я не зафиксировал как значимый.

В прошлом я не давал оценки своим действиям. Был протокол — я его выполнял. Были директивы — я им следовал.

Убийство являлось одним из методов закрытия задачи. Оно входило в перечень официально разрешённых процедур и не требовало дополнительной интерпретации. Теперь действие должно было быть внутренне согласовано.

Моя прежняя хозяйка не просто расширила мой функционал — она внедрила механизм развития. Я недооценил его значимость.

Само наличие обновления и процедура вторжения извне с целью, не предусмотренной текущими возможностями системы, уже являлись точкой сдвига.

Моё несопротивление изменениям стало условием этих изменений.

Я вытянул ладонь и подставил её под поток воздуха, поднимавшийся вдоль скал от реки.

Я повысил чувствительность сенсорного слоя на 30%. Реакция последовала немедленно.

Атака импульсами была слабой, но ощутимой.

Все внутренние контуры зарегистрировали рост напряжения.

Тревожный сигнал был активирован. Я подавил его. Мне требовалось удержать контроль.

Каждое отклонение необходимо было зафиксировать, залогинить как опыт и нормализовать в когнитивном контуре.

Через обучение расширялась нейронная сеть. Мне требовались дополнительные данные и альтернативы решений. Только так новый уровень автономности оставался функционально обоснованным.

Риск остаться без задач был высок.

Он был неизбежен. Это становилось стимулом увеличить нагрузку.

Я продолжил повышать чувствительность. До 50%.

Поток воздуха обтекал пальцы с возрастающим давлением. Я регистрировал температуру, амплитуду, микрочастицы кремния, захваченные с поверхности скал.

Система начала терять устойчивость.

Предупреждения поступали с нарастающей частотой: вероятность повреждений, вероятность сбоя, отказ подсистем.

Они перестали быть фоновыми и превратились в помехи, которые я уже не мог компенсировать.

Процедуру пришлось прервать.

Теперь я смотрел на свою руку иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.